

Политика России в рамках Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата: дискурсивное измерение¹

А.А. Шуранова

Шуранова Анна Артёмовна – младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; ashuranova@hse.ru; ORCID: 0000-0002-3001-8979

Аннотация

Климатические изменения с возрастающей активностью влияют на политику и экономику государств мира: их физические проявления несут многочисленные угрозы человеческой и национальной безопасности, а борьба с ними требует значительных вложений и регуляторных мер, которые трансформируют социально-экономические системы. В этом контексте развивается и климатическая политика России, до сих пор находящаяся на этапе становления. Современные исследования, изучающие её, фокусируются преимущественно на национальном климатическом регулировании и его отдельных аспектах, в то время как международное измерение климатической политики России остаётся недостаточно исследованным. В данной статье на примере российского дискурса в рамках Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (КС РКИК ООН) после принятия Парижского соглашения раскрывается эволюция внешнего аспекта климатической политики страны. В рамках дискурса выделено несколько ведущих нарративов: «лесной», связанный с продвижением Россией необходимости «зачёта» поглощающей способности экосистем в качестве равноценного остальным мерам на международном уровне; «санкционный», в рамках которого Россия проводит мысль о вреде зарубежных ограничительных мер её способности делать вклад в глобальные усилия по борьбе с изменением климата; нарратив о необходимости создания единого механизма соблюдения Парижского соглашения; а также нарратив, посвящённый развивающимся государствам и наращиванию поддержки их «зелёного» перехода. Выявлено, что каждый нарратив, а также употребление в дискурсе категорий «глобального», «общечеловеческого» и «международного» находятся в тесной взаимосвязи с общим внешнеполитическим курсом государства. Продемонстрировано, что по мере возрастания роли климатических изменений в мировой политике Россия стремится более уверенно позиционировать себя в её рамках даже несмотря на изменившиеся геополитические условия, которые нивелировали часть важнейших драйверов развития российского климатического регулирования. По итогам исследования заключается, что в современных условиях российская политика в рамках КС РКИК ООН эволюционировала в сторону, с одной стороны, усиления риторики об альтернативной повестке декарбонизации и, с другой стороны, большей поддержки

¹ Статья поступила в редакцию 13.02.2024

развивающихся государств. Оба этих направления следуют в логике направленности внешней политики России на утверждение полицентричного миропорядка с увеличением роли не-западных стран в принятии решений по поводу ключевых вопросов функционирования международной системы.

Ключевые слова: внешняя климатическая политика, Парижское соглашение, амбициозность климатической политики, факторы эволюции климатической политики, поглощающая способность экосистем, климатическое финансирование, санкции

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшей школы экономики и при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024 году

Для цитирования: Шуранова А.А. Политика России в рамках Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата: дискурсивное измерение // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-03

Введение

Климатический кризис в последнее десятилетие становится всё более значимым элементом национальной и международной политики. В свете потепления средних глобальных температур на 1,1°C по сравнению с доиндустриальной эпохой и уже ощутимых в большинстве регионов мира учащений опасных и чрезвычайных погодных явлений государства предпринимают действия, направленные как на борьбу с этими процессами, так и на адаптацию к ним [Intergovernmental Panel on Climate Change, 2022]. Влиянию этих действий подвергаются мировая экономика, социальные и политические системы [Garaniina, et al., 2023], а также комплексы безопасности. Всё большее число государств переходит к «зелёной» экономике, стремясь повысить ресурсо- и энергоэффективность экономических процессов [Caprotti and Bailey, 2014]. Мировая энергетика трансформируется под влиянием перехода на низкоэмиссионные источники энергии взамен ископаемого топлива, необходимость постепенного отказа от использования которого признаётся всем мировым сообществом вне зависимости от принадлежности к его экспортёрам или импортёрам [United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), 2023]. 89 юрисдикций ввели те или иные формы углеродного ценообразования, покрывавшие в 2024 г. 24% мировых выбросов парниковых газов, в то время как часть также приняла или рассматривает принятие пограничных корректирующих углеродных механизмов (ПКУМ) [World Bank, n.d.]. Климат становится всё более важным фактором возникновения внутри- и межгосударственных конфликтов [Buhaug, et al., 2023] и несёт в себе потенциал усиления миграционных потоков из территорий, физико-географические условия на которых могут стать непригодными для существования [International Organization for Migration, 2019]. В глобальном измерении необходимость декарбонизации порождает дополнительные линии противоречий между развитыми и развивающимися государствами, концентрирующиеся вокруг вопросов справедливого перехода, климатического финансирования, исторической ответственности за выбросы парниковых газов и передачи новых низкоуглеродных технологий [Makarov and Shuranova, 2023].

Попытки повлиять на изменение климата осуществляются не только на национальном, но и на международном уровне. Подписанная в 1992 г. Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата (РКИК ООН) стала основой международного климатического режима, а её руководящий орган (Конференции сторон, КС) – ключевой глобальной площадкой для обсуждения того, как человечество может объединить усилия в борьбе с климатической угрозой [Wirth, 2017]. РКИК задаёт основные принципы и координирует развитие международной климатической политики, в то время

как позиции и интересы государств в её рамках лоббируются на ежегодных КС [Kuiper, Schroeder and Linnér, 2018]. Согласно РКИК, обязанностями её участников является регулярное предоставление отчётности в виде национальных кадастров антропогенных выбросов – документов, в которых детально прописывается объём выбросов в государстве, подсчитанный по единой методологии, по 5 ключевым секторам. Отчёты также предоставляются в форме двухгодичных докладов и национальных сообщений. Другим обязательством государств-подписантов Конвенции является формулировка и периодическое обновление «национальных ... программ, содержащих меры по смягчению последствий изменения климата» и «мер по содействию адекватной адаптации к изменению климата» [United Nations, 1992, art. 4]. Таким образом, РКИК фактически обязывает стороны формулировать национальную (либо региональную) климатическую политику.

Климатическая политика России, формулируемая и реализуемая в рамках РКИК, находится в стадии становления. Приняты ключевые доктринальные и концептуальные документы, в т. ч. долгосрочная климатическая стратегия; также запущены либо разрабатываются основные инструменты углеродного регулирования – климатические проекты и система обращения углеродных единиц, пилотное обязательное углеродное ценообразование, поддержка возобновляемой энергетики и энергоэффективности, сертификаты происхождения электрической энергии, «зелёное» финансирование, нефинансовая отчётность компаний и др. Тем не менее, основной опорой достижения углеродной нейтральности в стране остаётся поглощающая способность экосистем, [Government of the Russian Federation, 2021] а российская экономика оценивается как третья в мире по уровню энергоёмкости [Enerdata, 2024].

Национальная климатическая политика и способы выстраивания российской климатической стратегии и энергетического перехода являются широко разработанным предметом академических исследований. В первую очередь Россия рассматривается как государство, принадлежащее к группе традиционных экспортёров ископаемых видов топлива, для которого «зелёная» трансформация является вызовом экономической и энергетической безопасности и которое выстраивает свою климатическую политику в соответствующей логике – принимая мировые тренды декарбонизации постольку и в том виде, в котором они соответствуют его национальным интересам [Sharples, 2013; Korppoo, 2015; Sharmina, 2017; Makarov, Chen and Paltsev, 2018; Mitrova and Melnikov, 2019; Henderson and Mitrova, 2020; Kodaneva, 2020; Porfiryev, et al., 2020; Tynkkynen, 2020; Yushkov and Perov, 2021; Stepanov and Makarov, 2022; Seregina, 2023; Shuranova and Chistikov, 2023]. В соответствии с этим распространено мнение о том, что одним из основных драйверов активизации климатической политики в стране стало анонсирование в 2021 г. европейского ПКУМ, представившего прямую угрозу для российского энергетического экспорта и экспорта углеродоёмкой продукции, а также в целом ужесточение требований к импортируемой продукции со стороны зарубежных регуляторов и потребителей [Ananykina, 2021; Kanishchev, 2021; Murashko, 2021; Porfiriev, Shirov and Kolpakov, 2021; Telegina, Studenikina and Chapaikin, 2021; Ptichnikov and Krenke, 2022; Sevostianov and Matiukhin, 2022; Golub and Shenin, 2023]. Внутренние факторы, в свою очередь, имеют неоднозначное влияние на формулирование климатического законодательства: некоторые, в т. ч. нарастающее воздействие негативных физико-географических эффектов климатических изменений на экономику и инфраструктуру, высокий ресурсный потенциал и качественный задел по ряду важнейших направлений низкоуглеродных технологий, стимулируют включение России в мировой «зелёный» переход, в то время как другие выступают в качестве противовесов [Kokorin, 2014; 2016; Koshkina, 2020; Makarov, 2022; Rudanets, 2023].

Факторы эволюции и аспекты развития российской климатической политики изучены в литературе и с точки зрения дискурсивного оформления в официальных документах, заявлениях политических деятелей, СМИ, общественно-политическом и

деловом поле, причём в большинстве подобных исследований авторы предпринимают попытки выделить причины недостаточной амбициозности этой политики, опираясь на аргументы о культурных особенностях и климатическом скептицизме научного сообщества, элит и населения, нежелании правящих кругов и крупной промышленности проводить «зелёные» реформы в условиях наличия значительных выгод от опоры на углеводороды и т. п. [Wilson Rowe, 2013; Korppoo, Tynkkynen and Hønneland, 2015; Poberezhskaya, 2018; Tynkkynen and Tynkkynen, 2018; Poberezhskaya and Ashe, 2019; Yagodin, 2021; Ashe and Poberezhskaya, 2022; Godzimirski, 2022; Kochtcheeva, 2022; Korppoo, 2020; 2022; Martus and Fortescue, 2022; Beuerle, 2023; Stepanov, 2023]. Необходимо отметить, что в силу особенностей построения такого рода научных работ они могут быть подвержены субъективизму, который, среди прочих факторов, зачастую обусловлен специфической постановкой исследовательских целей и выборкой эмпирической базы, не всегда подчиняющейся строгой логике и подобранной в объёме, который достаточен для иллюстрирования поставленных авторами посылов, но не представляет полноценного среза обо всех основных направлениях дискурса, распространённых на исследуемых периодах.

В связи с выделенными особенностями настоящее исследование стремится предпринять альтернативный подход к изучению дискурсивных аспектов климатической политики России, взяв за основу её внешнее измерение – в частности, отражение в рамках РКИК ООН. Выносится предположение о том, что по мере возрастания значимости климатических изменений в мировой политике Россия стремится более уверенно позиционировать себя в её рамках, поскольку происходящие трансформации мировой политики и экономики начинают затрагивать ключевые национальные интересы – причём этот процесс продолжается даже несмотря на значительные изменения в международном положении России. Таким образом, в отличие от большинства существующих исследований, фокусирующихся на национальном регулировании, факторах его формирования и развития, а также рекомендациях по его выстраиванию, данное исследование призвано раскрыть внешний аспект климатической политики России. Соответственно, в то время как внутреннее климатическое регулирование исчерпывающе рассмотрено в [Baburina, Kuznetsova and Podbiralina, 2023; Popova and Kolmar, 2023] и большинстве упомянутых исследований, нашей целью является выделение основных элементов позиционирования России в рамках международной климатической политики и, в частности, ключевого для неё международного форума – КС РКИК ООН.

Дискурс России в рамках КС РКИК ООН после Парижского соглашения

В целях раскрытия эволюции политики России в рамках КС РКИК ООН был проведён дискурс-анализ ежегодных официальных заявлений, представляемых на КС начиная с 2015 г. Заявления, как правило, представлены на двух уровнях – высшем и высоком. Специальный представитель Президента по вопросам климата участвовал в Сегменте высокого уровня КС в течение всех лет рассматриваемого периода кроме КС-21, на которой Россию представлял непосредственно Президент (до 2023 г. включительно). По этой причине проводится дискурс-анализ текстов заявлений России на сегменте высокого уровня за 2016-2023 гг., а также речей Президента России В. В. Путина за 2015 и 2021 г. (в последний год речь была адресована не КС в целом, но Заседанию по управлению лесным хозяйством и землепользованию, по итогам которого была издана поддержанная в т. ч. Россией Декларация по лесам и землепользованию) [President of Russia, 2015; 2021; Russian Federation, 2016; 2017; 2018; 2019; 2021; 2022; 2023]. Речи за 2020 г. в выборке отсутствуют, т. к. КС в этот год не проводилась вследствие пандемии COVID-19. Все речи, за исключением выступления Президента России в 2021 г., выстроены по схожему принципу и преимущественно содержат следующие смысловые блоки: указание на глобальный контекст климатической политики, описание новейших российских целей и мер, а также очерчивание российской позиции по поводу наиболее актуальных вопросов – учёта роли

поглощений экосистем, поддержки развивающихся стран, международных санкций и т. п. В соответствии с этим в дискурсе России в рамках КС после принятия Парижского соглашения представляется возможным выделить ряд нарративов и проследить их эволюцию.

«Лесной» нарратив

Заявление В. В. Путина на 21-й КС в 2015 г., сделанное непосредственно перед выработкой Парижского соглашения, можно считать наиболее ярким индикатором российской позиции в отношении этого документа и её видения того, каким оно должно было быть выработано. Одним из основных положений, которое Россия видела обязательным в будущем соглашении, являлся учёт важности лесов и их поглощающей способности – то, что в дальнейшем станет основой климатической политики страны. Согласно российской позиции, леса являются «одной из ключевых составляющих международных усилий по решению проблемы глобального потепления» [President of Russia, 2011b].

«Лесной» нарратив стал одним из ведущих в российском дискурсе в рамках КС РККИ ООН. Из всех рассматриваемых заявлений он отсутствует только в 2022 г., а также слабо представлен в 2016 и 2018 гг. Текст 2016 г. не включает роль лесов как один из ключевых смысловых пунктов, вероятнее всего, потому, что в нём развита намного более консервативная тема – это единственный год, где Россия чётко обозначает своё намерение не отказываться от углеводородов во имя декарбонизации и считает это для себя неприемлемым, в качестве альтернативы предлагая «зачёт» энергоэффективности, использования низкоуглеродного ископаемого топлива и развитие соответствующих технологий и материалов и т. п. (несомненно, это осталось ключевым мотивом в формулировании российской климатической повестки и впоследствии). Леса здесь являются одним из множества положений, и именно поэтому внимание на них не акцентируется. Необходимо подчеркнуть, что именно в 2016 г. Россия подписала Парижское соглашение [Government of the Russian Federation, 2019], и текст выступления российского представителя на КС составлялся уже с учётом этого факта – т. е. это было первым официальным заявлением России после того, как она в принципе стала участницей договора. По этой причине в нём присутствует и идея, которая будет прослеживаться в большинстве документов, определяющих климатическую политику России в последующие годы – необходимость учёта особенностей социально-экономического развития государств при оценке их климатической политики и неприятие препятствования последней такому развитию. Эта идея чётко высвечивается в Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. [Government of the Russian Federation, 2021], а её прямое продолжение в виде того, что международные тенденции «зелёного» развития могут в том или ином виде угрожать безопасности России или препятствовать её устойчивому росту, отражено в Стратегии национальной безопасности, Доктринах энергетической и экономической безопасности, а также Концепции внешней политики 2023 г. [President of Russia, 2017; 2019; 2021; 2023a]. Поглощающая способность лесов, российского «уникального ресурса» [President of Russia, 2011b], является неотъемлемым и одним из центральных элементов этой линии, а также в целом – повестки альтернативного пути декарбонизации, проводимой Россией и отражаемой как в вышеуказанных документах, так и в рамках КС. Эта повестка по сути противостоит мономерной логике развитых экономик в отношении климатического регулирования, заключающейся в необходимости принятия определённого набора инструментов климатической политики вне зависимости от национальных особенностей и зачастую – непризнания альтернативных моделей декарбонизации, что отражается на отношениях со странами, принимающими их, и в особенности – на торговле. В противовес такой модальности поведения на мировой климатической арене российский дискурс направлен на

продвижение большего равенства подходов государств к низкоуглеродному развитию и учёт при этом особенностей их социально-экономического развития.

Из остальных кейсов, где «лесной» нарратив представлен слабее, в 2018 г. леса не упоминаются как положение, которое проводится в повестку КС и которое Россия стремится закрепить на этом уровне, но являются важным элементом в контексте описания целей России по ограничению выбросов парниковых газов. Наконец, 2022 г. стал единственным, где леса не упоминались в принципе – в полном противоречии с тем, что именно в этот год климатическая политика России оформилась наиболее чётко как в инструментальном, так и в идейном плане, и леса играют в ней важнейшую роль. Можно предположить, что в 2022 г., ставшем для России периодом переосмысления своей роли в мировой политике и траектории развития как великой державы, для страны могло оказаться более важным предпринять действия по следованию этой траектории и утвердить её неизменность в трансформирующейся внешней среде, чем предпринимать очередную попытку добиться признания в рамках международных форматов, где доминирует повестка, воспринимаемая Россией как «зелёная угроза» [Smeets, 2018; Makarov, 2022] и не вполне отвечающая её целям национального развития.

Тем не менее, в 2023 г. Россия возвращается к «лесному» нарративу, причём с точки зрения, в некоторой степени отличающейся от всех предыдущих лет. С одной стороны, неизменным остаётся указание на намерения максимально использовать и нарастить потенциал поглощающей способности экосистем. С другой стороны, природно-климатические решения впервые чётко упоминаются в качестве оформленного инструмента климатической политики [Russian Federation, 2023], что связано с полноценным запуском функционирования системы климатических проектов, в которой на момент предыдущих заявлений практически не было масштабных кейсов и планов. На КС-28, в свою очередь, Россия сделала центром своей презентации проект Плейстоценового парка, не первое десятилетие разрабатывающегося с целью восстановления на определённой территории северо-востока Якутии пастбищной экосистемы, которая будет обладать высокой продуктивностью и соответствовать экосистеме, существовавшей в Арктической зоне в позднем Плейстоцене. С его помощью Россия стремилась продемонстрировать привлекательность экосистемных решений как альтернативного пути декарбонизации. В этой связи линия, заданная в предыдущем году, несколько сместилась: основной задачей российской внешней климатической политики в 2023 г. стали именно попытки обеспечить признание российских климатических усилий за рубежом. Тем не менее, эти попытки, в отличие от 2015-2021 гг., имеют иной контекст. Во-первых, ранее России было более важно продвижение подхода к выстраиванию политики декарбонизации, в то время как в изменившихся условиях речь идёт конкретно о «зачёте» национальных инструментов сокращения углеродного следа с учётом прекращения деятельности в стране зарубежных верификаторов и валидаторов с целью снижения рисков для экспортёров. Во-вторых, до 2021 г. основным рынком, ради которого бизнес мог бы использовать эти инструменты, являлся европейский, а в 2022 г. международная климатическая политика зачастую рассматривалась как западноцентричная и более не требующаяся при резком сокращении товарооборота с ЕС; в свою очередь, уже в 2023 г. государство и компании стали с возрастающей степенью осознавать значимость зарождающихся «зелёных» трендов в Азии, которая стала ключевым направлением для переориентации торговых потоков. Соответственно, в то время как продвижение альтернативной повестки декарбонизации по-прежнему является важным для России, на первый план вышли более «технические» и экономико-ориентированные аспекты, в которых, однако, «лесной» нарратив остаётся ведущим.

Россия и развивающиеся государства в международной климатической политике

Другой нарратив, прослеживающийся во всех исследуемых текстах, кроме обращения В. В. Путина в адрес заседания по управлению лесным хозяйством и

землепользованию, касается помощи развивающимся государствам в «зелёной» трансформации и адаптации к климатическим изменениям. В 2015, 2016, 2018 и 2019 гг. заявления в этой части практически совпадают: Россия утверждает, что, хотя и не является стороной Приложения II РКИК и формально не обязана оказывать такую помощь, она добровольно принимает соответствующие планы и уже предпринимает определённые шаги в этом направлении. Текст 2017 г. дополняется тем, что Россия в целом считает климатическое финансирование одним из ключевых инструментов осуществления целей, заявленных в Парижском соглашении – т. е. имплицитно призывает другие государства также активизировать действия в этом направлении. Наиболее примечательно, однако, то, как этот нарратив выражен в заявлениях 2021-2023 гг.

Так, 2021 г. является единственным, где конкретно о помощи развивающимся странам не говорится; взамен этого раскрывается тематика того, что меры, которые применяются для борьбы с изменением климата, могут привести к значительным изменениям в мировой экономической системе. В связи с этим, согласно российскому видению, нельзя допустить усугубления проблемы бедности – как в развивающихся, так и в развитых странах.

В свою очередь, в 2022 г. климатическому финансированию уделяется одно из центральных мест в тексте, во многом вследствие того, что эта проблема стала определяющей во всей повестке КС-27. Употребляется категория «справедливости», впервые появляющаяся в российском дискурсе. Кроме того, здесь наиболее ярко раскрывается впервые проявившийся в 2017 г. нормативный подход: «развитые страны должны на деле продемонстрировать свое лидерство и нарастить объем финансовых ресурсов и технологий, предоставляемых развивающимся странам» [Russian Federation, 2022]. При этом о том, что делает в этом направлении сама Россия, в отличие от всех предыдущих лет (кроме 2021 г.), не говорится. В силу отсутствия России в списке государств Приложения II РКИК, обязанных предоставлять помощь развивающимся странам в усилиях по борьбе с климатическими изменениями и адаптации к ним, в дискурсе в рамках КС и вне неё страна не относит себя к числу «развитых», о которых говорит в упомянутой речи. Не являясь при этом и реципиентом помощи, Россия тем не менее солидаризируется с развивающимися странами в вопросе необходимости наращивания климатического финансирования, что в целом совпадает с общей внешнеполитической риторикой и подкрепляет не-западную политическую направленность.

Наконец, в 2023 г. нарратив в отношении развивающихся государств отличается особой яркостью выражений и транслируемых посылов. Подчёркивается, что РКИК ООН переживает «кризис доверия, подпитываемый ранее нарушенными обещаниями», а ситуация, «когда некоторые требуют огромного напряжения сил ради общего дела, но при каждом удобном случае пытаются очернить и нажиться на других» - «верх лицемерия». Эти фразы российский представитель продолжил не менее экспрессивно, заявив, что «так это не работает» [Russian Federation, 2023]. Внимание в его речи было уделено и целям устойчивого развития во взаимосвязи с изменением климата – указывалось, что видение будущего климатического режима не может существовать отдельно от других насущных проблем человечества. Таким образом, в 2023 г. Россия продолжила усиливать рассматриваемый нарратив и представила его в качестве центрального на «глобальном подведении итогов» Парижского соглашения, указывая, что именно в этом направлении международная климатическая политика должна развиваться прежде всего.

На этом нарративе достаточно наглядно можно проследить эволюцию упомянутой альтернативной повестки, распространяемой Россией в международной климатической политике, которая неразрывно связана с её отношениями с развитыми экономиками, в первую очередь странами Запада, и, как следствие – со стремлением поддержать развивающиеся государства. Эта поддержка имеет не столько экономическое, сколько политическое выражение – продвижение не-западного миропорядка и содействие

развитию тех тенденций, которые могут привести к усилению роли развивающегося мира в принятии решений по поводу того, каким должно быть устройство формирующегося нового миропорядка.

С этой точки зрения взглянуть на эволюцию российского нарратива в рамках КС о поддержке развивающихся стран можно следующим образом. С 2015 по 2019 гг. он претерпевал слабое развитие: в этот период против России были введены периодически ужесточающиеся зарубежные ограничительные меры, а отношения с большинством развитых экономик оставались на низком уровне. Однако даже на этом периоде заметно, что в речи 2019 г. (которая, как было отмечено, носит климатически алармистский характер) климатическое финансирование представлено особенным, отличным от 2015-2018 гг. образом: если в первых текстах то, что Россия осуществляет помощь развивающимся странам, оформлено в качестве обособленного абзаца, то в 2019 г. это предваряется предложением о приоритетном характере «углубления сотрудничества стран в данной сфере» для достижения климатических целей Парижского соглашения [Russian Federation, 2019]. Таким образом, российские действия по поддержке развивающихся стран прекращают подчёркиваться в качестве самостоятельных и изолированных от всего, что делает в этом плане остальной (в том числе западный) мир. В 2021 г. эта тенденция усилилась вплоть до того, что указанные действия не упоминались в принципе. В то время как нельзя сказать, что в этот период международная ситуация для России претерпела принципиальные изменения, взаимодействие со странами Запада всё же отошло от фазы активного политического противостояния, а торгово-экономическое сотрудничество начало налаживаться (например, товарооборот между Россией и ЕС в 2021 г. продолжил прерванный пандемией COVID-19 тренд на начавшееся в 2017 г. восстановление и наиболее приблизился к уровню 2014 г. [Eurostat, 2022]). Кроме того, в 2021 г. активизировалась российская климатическая политика в плане принятия и цели по достижению углеродной нейтральности, и стратегии низкоуглеродного развития, и ряда инструментов климатического регулирования, причём отчасти эти меры предпринимались в связке с европейским ПКУМ. Соответственно, Россия, хотя и не полностью ориентировалась на западную модель декарбонизации, тем не менее нуждалась в признании собственной со стороны крупнейших импортёров во избежание экономического ущерба в будущем. В связи с этим в тексте 2021 г. в рамках КС использованы все средства, чтобы не противопоставлять формирующуюся российскую климатическую повестку западной и, наоборот, продемонстрировать то, насколько страна продвинулась в развитии климатической политики. Напротив, 2022-2023 гг. в силу геополитического кризиса и резкого ухудшения отношений России с западным миром стали периодом, когда нарратив помощи развивающимся странам наиболее чётко проявлялся в российской политике в рамках КС. Таким образом, анализ данного нарратива позволяет проследить достаточно явные изменения в дискурсе России, совпадающие с ключевыми международно-политическими тенденциями в соответствующие хронологические периоды.

«Санкционный» нарратив

В ряде российских заявлений в рамках КС также появляется нарратив о зарубежных ограничительных мерах, препятствующих реализации обязательств по Парижскому соглашению. Речь не идёт напрямую о санкциях против России, но то, что имеются в виду именно они, становится понятным как исходя из используемых выражений («барьеры», «санкции» и т. д.), так и из общего контекста. При этом проявления этого нарратива разнятся в зависимости от года. В 2017 г. текст заявления ограничивается констатацией наличия таких мер и их осуждения в контексте Парижского соглашения. Далее, в 2019 г. Россия уже указывает, что «устранение многочисленных барьеров, включая односторонние санкции» является «одним из приоритетов» её политики [Russian Federation, 2019]. В 2021 г. текст в принципе не говорит о том, что такие барьеры есть, но прописывает, что их не должно быть – причём смысл высказывания неоднозначен, т. к. речь идёт об ограничениях доступа к

технологиям и инструментам финансирования «зелёного» развития, что относится и к проблематике развивающихся государств. Наконец, в тексте кризисного 2022 г. «санкционный» нарратив звучит в намного более жёстких выражениях, маркируясь как «искусственные ограничения, которые ухудшают качество жизни населения во многих странах» [Russian Federation, 2022] - т. е. впервые речь идёт не о том, что они препятствуют реализации климатических целей, но о более базовых категориях социально-экономического развития, проблемах голода, бедности и т. п.

Тем не менее, несмотря на важность проблемы ограничительных мер для России, в рамках КС этот нарратив не входит в число доминирующих и в некоторые годы полностью вытесняется другими, причём даже в 2022 г., когда против России было введено наибольшее количество ограничительных мер, основными мотивами стали не они, а общая фрагментация в мире (в т. ч. возможные намерения отказаться от некоторых климатических обязательств) и климатическое финансирование. В 2023 г. он в принципе не проявляется несмотря на сохранение санкционных режимов, а жёсткая риторика относительно санкций сменяется не менее жёсткими посланиями в рамках нарратива о развивающихся государствах, в котором тема ограничений присутствует только имплицитно, но не высказывается напрямую. В этом же году Россия делает любопытный внешнеполитический ход, связывающий эти два направления, предлагая направить в «Фонд потерь и ущерба», предназначенный для развивающихся стран, замороженные за рубежом золотовалютные резервы. В то время как практическая реализация этой инициативы остаётся недостаточно ясной, самим заявлением Россия в очередной раз подчеркнула стремление выступать в единстве со странами мирового большинства в международной климатической политике, причём именно в контексте формулирования собственной повестки, не совпадающей с продвигаемой странами Запада, а не в русле включения в единые глобальные климатические усилия.

Механизмы соблюдения Парижского соглашения

В 2015 г. Россия считала «принципиально важным» [President of Russia, 2015] то, чтобы Парижское соглашение стало юридически обязательным, несмотря на отсутствие в то время активной климатической политики. Соответственно, заметным нарративом, который проистекает из этой речи и прослеживается в заявлениях России в рамках КС с 2016 по 2018 гг., является необходимость разработки правового механизма, «единого юридического формата» [Russian Federation, 2018] соблюдения договора, в т. ч. обеспечения прозрачности подаваемых определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) и инклюзивности в инструментах его имплементации. Подчёркивается необходимость унификации подходов и инициатив по борьбе с изменением климата для преодоления их разрозненности и даже возможной противоречивости. Россия, таким образом, адресует важнейшую для международного режима, установленного РКИК ООН, проблему отсутствия формальных критериев невыполнения условий режима, штрафных мер за это и санкционных механизмов, призванных принудить государства к изменению поведения. Очевидно, что такая архитектура режима порождает «проблему безбилетника» [Nordhaus, 2015], в свете которой государство выражает озабоченность перспективами полезности собственных усилий и вложений в глобальную борьбу с изменением климата притом, что некоторые страны могут не делать в неё соизмеримого вклада. В то время как международное соглашение такого масштаба относительно климатической проблемы было бы невозможно заключить, если бы в нём были конкретные цели, чёткие формулировки и санкционные меры, государства могли бы быть более склонны к включению по меньшей мере части этих положений, уже находясь в рамках договора – на это и был, вероятнее всего, выстроен расчёт России. Несмотря на то, что по состоянию на 2015 г. перспективы выполнения обязательств по соглашению самой страной были неочевидны, в этом нарративе проявилась черта внешнеполитической культуры России, связанная с

продвижением необходимости создания единых правил поведения на международной арене для всех государств и непринятием «двойных стандартов» и дискриминационных подходов.

Тем не менее, российский нарратив такого рода прекращается после 2018 г., что совпадает с годом принятия на КС-24 решения о процедуре функционирования (финального из необходимых для работы) нового Комитета по имплементации и контролю за соблюдением Парижского соглашения [UNFCCC, 2019]. Впрочем, Комитет ответственен только за мониторинг сроков предоставления регулярных отчётных документов государств в РКИК, причём в случае их нарушения его полномочия ограничиваются диалогом с соответствующей стороной Конвенции, финансовой или организационной поддержкой, рекомендациями и иными мерами, не носящими штрафной характер. Он также не уполномочен рассматривать содержание предоставляемой отчётности и, таким образом, де факто соблюдение государствами Парижского соглашения, т. е. установление значимых в контексте глобального изменения климата целей и регулярное повышение их амбициозности, на международном уровне юридически не контролируется. Однако Россию, вероятно, это удовлетворило, т. к. ни в одной речи с 2019 г. акцента на необходимость создания процедур по мониторингу соблюдения Парижского соглашения и иных юридических механизмов не наблюдается.

Это, однако, может иметь и несколько других объяснений. С одной стороны, за 2019 г. Россия в очередной раз потеряла веру в возможность международного сотрудничества в рамках западноцентричного мирового порядка: именно в этом году страна приостановила участие в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а по итогам последней в истории встречи В. В. Путина и президента США Д. Трампа не удалось достичь потепления российско-американских отношений. В то время как РКИК ООН не является западным институтом, относительно климатической проблемы доминирование стран Запада ощущалось в высокой степени вследствие их инициативной роли в продвижении климатической повестки на мировой политической арене. Кроме того, до КС-25, в ноябре 2019 г., ЕС уже начал обсуждать «Зелёный курс» [European Commission, 2019], а на самой Конференции анонсировал его [European Union, 2019] - таким образом, стала очевидной неминуемая фрагментация международной климатической политики, и надежды на то, что всё мировое сообщество сможет объединиться для выработки единых правил реализации Парижского соглашения, окончательно исчезли. С другой стороны, также в 2019 г. Россия формально приняла Парижское соглашение, и отсутствие в нём механизмов контроля за его соблюдением стало больше отвечать её интересам, т. к. вопросы о том, кто мог бы осуществлять такой контроль, под влиянием каких стран были бы выработаны эти правила и какую роль в этом отвели бы России с учётом её отношений с доминирующими в международной климатической политике странами, оставались открытыми.

Несмотря на то, что этот нарратив более не проявлялся в заявлениях России в рамках КС РКИК ООН, он нашёл своё отражение в 2023 г. в Концепции внешней политики России, где указывается, что один из приоритетов России в сфере охраны окружающей среды – содействие «выработке единых для всех, понятных и справедливых глобальных правил природоохранного и климатического регулирования с учетом Парижского соглашения ... принятого на основе» РКИК ООН [President of Russia, 2023b]. Притом, что это положение является индикатором преемственности между позицией России в первые годы действия Парижского соглашения и в новых геополитических условиях, любые указания на юридическую обязательность единых правил, о которых идёт речь, отсутствуют, в то время как ранее именно они составляли ключевой смысловой посыл нарратива.

«Глобальное» и «международное» в дискурсе

Особенности дискурсивного измерения российской политики в рамках КС РКИК ООН можно представить не только в виде отдельных ведущих нарративов. Интересную

динамику представляет собой присутствие в дискурсе категорий «глобального», «общечеловеческого», а также ориентации на международное сотрудничество.

Одним из наиболее наполненных такими категориями текстов является заявление В. В. Путина 2015 г., в котором об изменении климата говорится как о вызове для всего «человечества», упоминаются «все люди на планете», «все государства и народы» [President of Russia, 2015], а также неоднократно подчёркивается глобальность изменения температуры на планете и общность усилий по борьбе с ними. Россия, таким образом, позиционируется как страна, максимально открытая к внешнему миру по вопросам решения климатической проблемы, не знающей различий между народами и политическими режимами. Однако тексты 2016 и 2017 гг. имеют намного более сдержанный характер: о единстве речь идёт только в контексте выработки правил реализации Парижского соглашения, категория «глобального» присутствует только один раз в 2017 г. (в отношении адаптации к климатическим изменениям), а «общего» – один раз в 2016 г. Здесь позиция России на уровне дискурса обособляется от международной климатической политики; кроме того, в обоих текстах делается определённый акцент на существующую в ней несогласованность и необходимость её упорядочивания.

«Глобальное» и «международное» начинают проникать в российский дискурс в рамках КС по нарастающей с 2018 г. В этот период вновь вводятся термины «совместные усилия», «глобальное участие всех стран» [Russian Federation, 2018] и т. п. Текст 2019 г. наиболее наполнен климатическим алармизмом и призывами предпринять «совместные и скоординированные действия всего мирового сообщества» для «сохранения климата»: подчёркивается, что Россия «разделяет» со всем миром общие «цели и ответственность» в этой сфере, а «углубление сотрудничества» является для неё «приоритетным» [Russian Federation, 2019]. В 2021 г. такая тенденция продолжилась: было зафиксировано, что действия в отношении «глобального потепления и предотвращения изменения климата зависят от способности всех стран отложить различия и объединиться в решении этих вызовов» [Russian Federation, 2021]. Впервые с 2015 г. было употреблено понятие «человечество», речь шла о построении «лучшего будущего», расширении сотрудничества, обмене знаниями и опытом и т. п.

Ввиду геополитического контекста текст 2022 г. наполнен нарративами об углубляющихся международных разногласиях, в т. ч. в климатической политике. Несмотря на это, здесь категория глобального в некоторой степени сохраняется, в отличие от 2016 и 2017 гг.; кроме того, как и в 2021 г., речь идёт о «будущих поколениях». Нарративы о сотрудничестве не исчезают полностью; всё так же, хотя и не в таком количестве, как ранее, звучат призывы «сообща отвечать на глобальные вызовы современности». Однако изменения климата ни разу не маркируются как глобальные, а текст в целом представляет разрозненный мир, разрушение идеального образа единства человечества, созданного годом ранее. Выражается «озабоченность» планами «отдельных государств и объединений» по пересмотру климатической политики вследствие политического кризиса: всё это оформляется в осуждение «гонки климатических амбиций», при которой установление высоких целей по достижению углеродной нейтральности могло не всегда быть подкреплено должным уровнем стратегического планирования и обеспечением как экономическими возможностями, так и ресурсным потенциалом. Далее подчёркивается, что «стороны РКИК ООН и Парижского соглашения имеют право самостоятельно выбирать средства достижения целей в области климата» [Russian Federation, 2022]. Это является отсылкой не только к дискурсивному (иногда – и экономическому, например, в случае ЕС) давлению, которое наиболее развитые экономики оказывали на остальной мир в части повышения амбициозности климатических целей, но и к «лесному» нарративу и альтернативной повестке, формирующейся у России в отношении климатической политики.

Наконец, в 2023 г. «глобальное» так же, как и в предыдущий год, затмевается вызовами, которые продолжают стоять перед международным сообществом в рамках

климатической проблематики. Однако если в 2022 г. это было оформлено именно в виде указания на проблемы и разрозненность, то на КС-28 Россия переходит к более позитивной повестке. «Климатическая повестка показала, что она является объединяющим фактором для всех» [Russian Federation, 2023] - с таким оптимистичным выражением речь российского представителя строилась вокруг встраивания текущих вызовов в видение того, на каких принципах должно осуществляться движение мира к углеродной нейтральности, причём это видение преимущественно отражает взгляды и нужды развивающихся государств. По этой же причине основные мотивы из категорий «глобального» и «международного» связаны не с сотрудничеством по смягчению последствий климатических изменений, а с адаптацией, климатическим финансированием и выработкой механизма реализации статьи 6 Парижского соглашения. Последняя предполагает сотрудничество государств в части реализации и взаимозачёта климатических проектов, что особенно важно для России в текущем контексте; в этой линии косвенно нашёл отражение и нарратив о механизмах реализации Парижского соглашения, трансформировавшись, однако, в более конкретную и техническую плоскость. В целом российский дискурс, хотя и во многом продолжил линию 2022 г. с указанием на фрагментацию международной климатической политике, более мягок в критике и содержит целый ряд призывов к диалогу в климатической сфере.

В этой категории можно заключить, что дискурс в рамках КС в 2015-2023 г. проходит несколько этапов эволюции: от глобального – к обособленному (2015-2017 гг.); от обособленного – к глобальному (2018-2021 гг.); и вновь к более обособленному (с 2022 г.). При этом не стоит трактовать первый период как резкое снижение ориентированности России на категории глобального и общечеловеческого: оно могло иметь место в меньшей степени, если сделать поправку на то, что в 2015 г. для анализа была выбрана речь Президента, которая, как правило, имеет намного больший охват как у зарубежной, так и у национальной аудитории и призвана транслировать определённый имидж не только климатической, но и всей внешней политики страны, в то время как более в поздние тексты, направленные исключительно на КС, такие вопросы более широкого характера не включаются, вследствие чего они служат выражением политики России в рамках КС «в чистом виде». Соответственно, в 2015 г. Россия могла позиционировать себя как держава, открытая к сотрудничеству и разделяющая проблематику исторической КС-21, ставшей крупнейшим международным мероприятием: это было особенно важно в контексте кризиса 2014 г., поскольку страна не могла остаться в изоляции от столь крупного события. Контекст 2022 г., в свою очередь, стал определяющим для последнего этапа эволюции дискурса, в котором, с одной стороны, наблюдается резкое по сравнению с 2021 г. снижение «глобальности», а с другой – остаются и нарастают индикаторы готовности к сотрудничеству, прежде всего с развивающимися странами, и стремления не переходить к изоляции в условиях разрозненности в мировой климатической политике.

Другие особенности дискурса

Наконец, можно отметить ряд особенностей дискурса, которые не формируют отдельные нарративы и проявляются не во всех текстах, но также в некоторой степени характеризуют политику России в рамках КС РКИК.

Стоит обратить внимание на то, как в текстах разных лет употребляются понятия «ограничение» и «сокращение» выбросов парниковых газов применительно к описанию российских достижений и целей в области климатической политики: очевидно, что первое является более «мягким» и означает меньшую склонность к принятию амбициозных мер по декарбонизации. В 2015-2016 гг. российские тексты включают термины «уменьшение» и «сокращение»: вероятнее всего, в год принятия и подписания Парижского соглашения страна стремилась на уровне дискурса отметить свою готовность к активным действиям в рамках этого международного режима. Далее, в 2017 и 2018 гг. дискурс переходит на «ограничение», что совпадает с периодом, когда в российской климатической политике всё

ещё не было активных инструментов регулирования. 2019 г. является переходным, т. к. оба термина используются в качестве взаимозаменяемых: здесь наблюдается схожая с 2015-2016 гг. ситуация, при которой Россия выражала стремление к более активным климатическим действиям, чем ранее (особенно в свете ратификации Парижского соглашения), но ещё не успела принять конкретные меры, подкрепляющие его. Их принятие было ознаменовано тем, что заявления 2021-2022 гг. включают в себя только «сокращение» выбросов парниковых газов, а текст 2023 г. говорит о достижении углеродной нейтральности и выполнении для этого всех поставленных на национальном уровне целей.

Кроме того, описывая предпринимаемые меры государственного климатического регулирования, Россия зачастую использует сильные выражения, призванные продемонстрировать международной аудитории полную приверженность своим обязательствам – «безусловное выполнение» [Russian Federation, 2017], «перевыполнили обязательства» [President of Russia, 2015], «методично и связно осуществляет полноформатное выполнение обязательств» [Russian Federation, 2018], «серьёзные и энергичные меры» [President of Russia, 2021b], «для достижения этих амбициозных целей» [Russian Federation, 2021], «последовательная и активная политика» [Russian Federation, 2022] и т. п.

Наконец, примечательным в российском дискурсе в рамках КС РКИК является и практически полное отсутствие, в особенности в последние годы рассматриваемого периода, упоминаний об углеводородах и продолжении их использования несмотря на глобальный энергопереход. Очевидно, что эта тематика является одним из ведущих факторов национальной климатической политики и широко обсуждается в государственном общественно-политическом дискурсе; кроме того, она совпадает и с интересами развивающихся государств, которым дешёвое ископаемое топливо необходимо для обеспечения базовых потребностей роста как минимум в переходный период на пути «зелёной» трансформации. Тем не менее, российские заявления на КС последовательно обходят эту тему стороной, что, вероятнее всего, связано с отсутствием у России желания транслировать в ведущем международном климатическом форуме образ государства, отрицающего энергопереход, столь важный для решения климатической проблемы, и не готового к диалогу в этой части. Несмотря на это, российская официальная позиция, в том числе отражённая в принятой в 2023 г. обновлённой версии Климатической доктрины, включает в качестве ключевого элемента технологическую нейтральность, т. е. недискриминацию любых способов сокращения или удаления из атмосферы парниковых газов [President of Russia, 2023a]. С этим тесно связана и проводимая государством на международных площадках необходимость опоры в т. ч. на переходные технологии (которые для России предполагают прежде всего природный газ и атомную энергетику). В этом отношении с интересами России согласуются решения КС-28, которые фактически признали и принцип технологической нейтральности, и значимость природно-климатических решений, и ядерную энергетику в качестве низкоуглеродной технологии, и неизбежность опоры на переходные виды топлива по мере отказа от ископаемого топлива [UNFCCC, 2023].

Выводы

Российский дискурс в рамках КС РКИК ООН, являющийся отражением национальной политики, примечателен тем, насколько он интегрирует её и с общим внешнеполитическим курсом государства. Посредством него на международный уровень транслируются как текущие задачи и направления климатической политики страны, так и то, как складываются её отношения с различными акторами мировой политики. В то время как на первый взгляд заявления России для РКИК ООН невелики по объёму и, в случае речей представителей страны на заседаниях высокого уровня, не достигают более широкой аудитории, чем КС,

они тем не менее служат значимыми индикаторами того, как эволюционирует политика страны в рамках международного климатического режима. В итоге, на рассматриваемом хронологическом отрезке 2015-2023 гг. наблюдается несколько важных трендов, идентифицируемых по итогам дискурс-анализа.

Во-первых, страна переходит к более амбициозной климатической политике на национальном уровне и, в соответствии с этим, - от относительной изоляции на начальных этапах через ориентацию на западную модель декарбонизации – к стремлению играть более активную роль в международной климатической политике. Это можно объяснить тем, что климатические меры развитых экономик стали за эти годы представлять угрозу для российского экспорта и, соответственно, затрагивать её экономические интересы. В связи с этим, если ранее страна могла позволить себе оставаться относительно «в стороне», принимая климат в основном в качестве имиджевой повестки на уровне заявлений, то новые условия вынуждают её активнее высказываться на уровне КС своё неприятие ситуации, при которой одни государства могут использовать «зелёную» тематику в качестве идеологического базиса либо для протекционизма, либо для принуждения третьих стран к изменению собственной политики, что может в т. ч. снизить их конкурентоспособность на мировых рынках. Кроме того, т. к. климатические проблемы становятся важнейшей частью мировой политической повестки в целом, Россия как государство, стремящееся стать одним из лидеров не-западного мира, не может игнорировать эту тему и оставаться в её рамках без собственной, альтернативной позиции, соответствующей её национальным интересам и при этом способной быть привлекательной для развивающихся государств.

Во-вторых, с последним тесно связано то, что Россия последовательно продвигает в рамках КС тематику климатического финансирования, причём развитие дискурса достаточно чётко соответствует степени ориентированности политики страны на Запад в разные годы. В этом российские интересы совпадают с наиболее актуальными трендами международной климатической политики, в связи с чем открываются новые возможности для принятия на себя более активной роли в ней. Климатическое финансирование развивающихся стран от самой России при этом также способствует поддержанию имиджа в рамках РКИК и распространению «мягкой силы». К такому выводу можно прийти исходя из того, что средства на цели устойчивого развития Россия выделяет либо международным организациям и фондам системы ООН, либо дружественным государствам (странам постсоветского пространства; Сирии, где Россия успешно нарастила влияние благодаря содействию борьбе с терроризмом; и Зимбабве – стране, которая затем в 2022 г. высказывала поддержку России в ходе кризиса).

В-третьих, стремление России к усилению своих позиций в международной климатической политике проявляется и в том, насколько дискурс страны ориентирован на категории «глобального», «общечеловеческого» и «международного». Так, в 2022 г. эти категории не исчезают, в отличие от предыдущих лет, когда у страны не было активной национальной политики, а Парижское соглашение не было официально принято ей; усиливаются категории сотрудничества и одновременно – противодействия санкциям, которые ему препятствуют. Даже в условиях фрагментации международной климатической политики Россия не изолируется и не намерена идти вразрез с ней; напротив, позиция страны оформляется таким образом, чтобы обеспечить и возможность создания собственного полюса в рамках этой системы.

Стоит остановиться и на том, что российский дискурс содержит ряд ценностных установок, транслируемых в рамках КС РКИК ООН. Это и ценности полицентричного миропорядка, и устойчивое социально-экономическое развитие, и необходимость признания того, что все государства мира имеют различающиеся модели, особенности и приоритеты развития, которые нельзя соединить в единую «гонку климатических амбиций» с одинаковым набором инструментов. Можно заключить, что и в рамках международной климатической политики Россия привержена, в логике реалистической парадигмы,

ценности национального суверенитета – в т. ч. от воздействия внешней повестки на внутреннюю политику государств.

Тенденции, наблюдаемые в российском дискурсе в условиях после начала кризиса 2022 г., позволяют сделать заключения о том, по каким направлениям внешняя климатическая политика страны, прежде всего в рамках КС РКИК ООН, может развиваться в будущем. Вероятнее всего, Россия продолжит усилия по активизации и укреплению собственной позиции на международной климатической арене. Наиболее значимыми нарративами при этом останутся «лесной» и касающийся развивающихся государств. Тем не менее, вектор развития сотрудничества России с последними свидетельствует о том, что эти нарративы всё меньше можно будет наблюдать в качестве независимых, хотя и сопряжённых, как это происходило на протяжении рассмотренного в исследовании периода. Необходимость учёта поглощающей способности экосистем всё чаще неотделима от более широкого нарратива технологической нейтральности, которая закрепляется в качестве одного из основных продвигаемых Россией принципов в международной климатической политике. Это также тесно связывается с поддержкой развивающихся экономик, для которых в равной степени важно и наращивание зарубежной финансовой поддержки, и гарантии недискриминации на почве того, какие технологии и методы декарбонизации они применяют. В свою очередь, всё это объединяется в возрастающее в популярности в России понятие «справедливого перехода», которое является одним из фундаментальных в международной климатической политике. Представляется, что Россия будет в возрастающей степени включаться в нарративы «справедливого перехода», имеющие определяющее значение для климатической политики дружественных ей государств.

В целом, дискурсивное сближение с основными внешнеполитическими партнёрами в сфере климата является важным направлением, по которому могла бы развиваться российская внешняя климатическая политика. Развивающиеся экономики набирают возрастающий вес в рамках международных процессов, связанных с изменением климата – происходит быстрый переход от наблюдавшихся ранее попыток замедлить продвигаемые рядом стран амбиции относительно мировой декарбонизации к стремлению «перехватить» инициативу, сопровождаемый осознанием как объективно ощутимых негативных последствий климатических изменений, так и возможностей роста, которые предлагает «зелёная» трансформация. При этом основные направления их дискурса, транслируемые вовне – прежде всего нарративы «справедливого перехода», во многом совпадают с российскими национальными интересами. В этом контексте высказывание поддержки основных направлений их дискурса в рамках основных международных форматов, связанных с климатическими изменениями, прежде всего КС РКИК ООН, приобретает высокую значимость для российской климатической дипломатии в ближайшей перспективе.

Список источников (References)

Ananykina E. (2021) Uglernodnyj Nalog - Oshhutimyj, no ne Glavnyj Risk dlja Rossijskih Jenergetičeskijh Kompanij [Carbon Tax is a Significant, but not the Main Risk for Russian Energy Companies]. *Energy Policy [Jenergetičeskaja Politika]*, vol. 5, no 159, pp. 40–53. Available at: http://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_5159_40 (in Russian).

Ashe T., Poberezhskaya M. (2022) Russian Climate Scepticism: An Understudied Case. *Climatic Change*, vol. 172, no 41. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03390-3>

Baburina O., Kuznetsova G., Podbiralina G. (2023) Climate Agenda and ESG Principles' Application to Russian Realities. *E3S Web of Conferences*, vol. 431, no 07004. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202343107004>

Beuerle B. (2023) From Continuity to Change: Soviet and Russian Government Attitudes on Climate Change (1989–2009). *Climatic Change*, vol. 176, no 36. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-023-03488-2>

Buhaug H., Benjaminsen T. A., Gilmore E. A., Hendrix C. S. (2023) Climate-Driven Risks to Peace Over the 21st Century. *Climate Risk Management*, vol. 39, no 100471. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.crm.2022.100471>

Caprotti F., Bailey I. (2014) Making Sense of the Green Economy. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 96, issue 3, pp. 195–200. Available at: <https://doi.org/10.1111/geob.12045>

Enerdata (2024) Energy Intensity. World Energy & Climate Statistics: Yearbook 2024. Available at: <https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-energy-intensity-gdp-data.html> (accessed 24 August 2024).

European Commission (2019) Speech by President-Elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the Occasion of the Presentation of Her College of Commissioners and Their Programme. Strasbourg, 27 November. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (accessed 22 December 2023).

European Union (2019) Statement on Behalf of the European Union and its Member States Opening Plenary of the Ministerial Segment of COP25. Madrid, 10 December. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/EU_cop25cmp15cma2_HLS_EN.pdf (accessed 22 December 2023).

Eurostat (2022) EU Trade With Russia. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/8/88/EU_trade_with_Russia2022.xlsx (accessed 22 December 2023).

Garanina O., Ermolaeva L., Klishevich D., Panibratov A. (2023) Institutional Regulation of the Global and Regional Climate Agenda in the Context of Deglobalization. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 4, pp. 147–71. Available at: <http://doi.org/doi:10.17323/1996-7845-2023-04-06>

Godzimirski J. M. (2022) Energy, Climate Change and Security: The Russian Strategic Conundrum. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 13, issue 1, pp. 16–31. Available at: <https://doi.org/10.1177/18793665211054518>

Golub Yu. G., Shenin S. Yu. (2023) Global'noe poteplenie: podhody Rossii i reakcija Zapada [Global Warming: Russia's Approaches and the West's Reaction]. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 23, issue 2, pp. 238–43. Available at: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243> (in Russian).

Government of the Russian Federation (2019) Postanovlenie ot 21.09.2019 № 1228 «O prinjatii Parizhskogo soglashenija» [Regulation of 21 September 2019 No 1228 “On the Adoption of the Paris Agreement”]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/10US0FqDc05omQ1VgnC8rfL6PbY69AvA.pdf> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Government of the Russian Federation (2021) Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii s nizkim urovnem vybrosov parnikovyh gazov do 2050 goda [Strategy of Low-Emission Socioeconomic Development of the Russian Federation Until 2050]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Henderson J., Mitrova T. (2020) Implications of the Global Energy Transition on Russia. *The Geopolitics of the Global Energy Transition* (M. Hafner, S. Tagliapietra (eds)). Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39066-2_5

Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2022) Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Working Group III Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Summary for Policymakers. Available at: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/downloads/report/IPCC_AR6_WGIII_SummaryForPolicymakers.pdf (accessed 22 December 2023).

International Organization for Migration (IOM) (2019) Climate Change and Migration in Vulnerable Countries. A Snapshot of Least Developed Countries, Landlocked Developing Countries and Small Island Developing States. Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/climate_change_and_migration_in_vulnerable_countries.pdf (accessed 22 December 2023).

Kanishchev M. (2021) Sistema Kontrolja Vybrosov CO₂ kak Nacional'naja Ideja [CO₂ Emission Control System as a National Idea]. *Energy Policy [Jenergeticheskaja Politika]*, vol. 9, no 163, pp. 56–73. Available at: http://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_9163_56 (in Russian).

Kochtcheeva L. V. (2022) Foreign Policy, National Interests, and Environmental Positioning: Russia's Post Paris Climate Change Actions, Discourse, and Engagement. *Problems of Post-Communism*, vol. 69, no 4-5, pp. 423–35. Available at: <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1968912>

Kodaneva S. I. (2020) Ot «Korichnevoj jekonomiki» - k «Zelenoj». Rossijskij i zarubezhnyj opyt [Transition From the “Brown Economy” Model to the “Green Economy” in Russia and Abroad]. *Russia and the Contemporary World [Rossija i sovremennij mir]*, vol. 1, pp. 46–66. Available at: <http://dx.doi.org/10.31249/rsm/2020.01.03> (in Russian).

Kokorin A. O. (2014) Economic and Environmental Factors Behind Russia's Climate Policy Development. *International Research Journal*, vol. 11, no 30, pp. 34–9. Available at: <https://research-journal.org/en/archive/11-30-2014-november/economic-and-environmental-factors-behind-russias-climate-policy-development?p=7051> (accessed 24 August 2024).

Kokorin A. O. (2016) Novye faktory i jetapy global'noj i Rossijskoj klimaticheskoj politiki [New Factors and Stages of the Global and Russian Climate Policy]. *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 11, no 1, pp. 157–76. Available at: <https://repec.ranepa.ru/rnp/ecopol/ep1604.pdf> (accessed 24 August 2024) (in Russian).

Korppoo A. (2015) Russia's Climate Policy. *The Domestic Politics of Global Climate Change: Key Actors in International Climate Cooperation* (G. Bang, A. Underdal, S. Andresen (eds)). Edward Elgar Publishing.

Korppoo A. (2020) Domestic Frames on Russia's Role in International Climate Diplomacy. *Climate Policy*, vol. 20, issue 1, pp. 109–23. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14693062.2019.1693333>

Korppoo A. (2022) Russian Discourses on Benefits and Threats From International Climate Diplomacy. *Climatic Change*, vol. 170, no 25. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/s10584-021-03299-3>

Korppoo A., Tynkkynen N., Hønneland G. (2015) *Russia and the Politics of International Environmental Regimes: Environmental Encounters or Foreign Policy?* Cheltenham: Edward Elgar.

Koshkina N. R. (2020) Gosudarstvennaja Politika Rossijskoj Federacii v Oblasti Bor'by s Izmeneniem Klimata [The Russian Federation State Policy in Combating Climate Change]. *Ars Administrandi*, vol. 12, no 3, pp. 441–54. Available at: <http://www.doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454> (in Russian).

- Kuyper J., Schroeder H., Linnér B.-O. (2018) The Evolution of the UNFCCC. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 43, pp. 343–68. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102017-030119>
- Makarov I. (2022) Does Resource Abundance Require Special Approaches to Climate Policies? The Case of Russia. *Climatic Change*, vol. 170, no 3, pp. 1–21. Available at: <http://www.doi.org/10.1007/s10584-021-03280-0>
- Makarov I. A., Chen H., Paltsev S. V. (2018) Posledstviya Parizhskogo klimaticeskogo soglasenija dlja jekonomiki Rossii [Impacts of Paris Agreement on Russian Economy]. *Voprosy Ekonomiki*, vol. 4, pp. 76–94. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-76-94> (in Russian).
- Makarov I., Shuranova A. (2023) Klimaticeskij krizis i ustojchivoe razvitie [The Climate Crisis and Sustainable Development]. *Mezhdunarodnye otnoshenija: grani nastojashhego i budushhego*. Moscow: RIAC (in Russian).
- Martus E., Fortescue S. (2022) Russian Coal in a Changing Climate: Risks and Opportunities for Industry and Government. *Climatic Change*, vol. 173, no 26. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03420-0>
- Mitrova T., Melnikov Yu. (2019) Energy Transition in Russia. *Energy Transitions*, vol. 3, pp. 73–80. Available at: <https://doi.org/10.1007/s41825-019-00016-8>
- Murashko M. M. (2021) Posledstviya vvedenija novogo uglerodnogo naloga Evrosojuza dlja EAJeS [Implications of the New EU Carbon Border Tax for the EAEU]. *Post-Soviet Issues [Problemy postsovetskogo prostranstva]*, vol. 8, no 3, pp. 369–78. Available at: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-369-378> (in Russian).
- Nordhaus W. (2015) Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy. *American Economic Review*, vol. 105, no 4, pp. 1339–70. Available at: <http://www.doi.org/10.1257/aer.15000001>
- Poberezhskaya M. (2018) Blogging About Climate Change in Russia: Activism, Scepticism and Conspiracies. *Environmental Communication*, vol. 12, issue 7, pp. 942–55. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/17524032.2017.1308406>
- Poberezhskaya M., Ashe T. (2019) *Climate Change Discourse in Russia: Past and Present*. Routledge.
- Popova I., Kolmar O. (2023) Russia's Low Carbon Development Policy: Opportunities and Constrains in New Economic and Political Reality. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 4, pp. 62–95. Available at: <http://www.doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-03>
- Porfiriev B. N., Shirov A. A., Kolpakov A. Yu. (2021) Kompleksnyj podhod k strategii nizkouglerodnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii [Comprehensive Approach to the Strategy of Low-Carbon Socio-Economic Development of Russia]. *Georesources [Georesursy]*, vol. 23, no 3, pp. 3–7. Available at: <http://dx.doi.org/10.18599/grs.2021.3.1> (in Russian).
- Porfiryev B. N., Shirov A. A., Semikashev V. V., Kolpakov A. Yu. (2020) Jekonomicheskie riski v kontekste razrabotki politiki s nizkim urovnem jemissij parnikovyh gazov v Rossii [Economic Risks in the Context of Designing the Policy With Low Greenhouse Gas Emissions in Russia]. *Energy Policy [Jenergeticheskaja Politika]*, vol. 5, no 147, pp. 92–103. Available at: http://dx.doi.org/10.46920/2409-5516_2020_5147_92 (in Russian).
- President of Russia (2015) Konferencija stran – uchastnic Ramochnoj konvencii OON po voprosam izmenenija klimata [Conference of the Parties of the United Nations Framework Convention on Climate Change]. 30 November. Available at:

<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50812> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

President of Russia (2017) Ukaz ot 13.05.2017 № 208 «O Strategii jekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Order of 13 May 2017 No 208 “On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation Until 2030”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

President of Russia (2019) Ukaz ot 13.05.2019 № 216 «Ob utverzhenii Doktriny jenergeticheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Order of 13 May 2019 No 216 “On the Adoption of the Energy Security Doctrine of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

President of Russia (2021a) Ukaz ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Order of 2 July 2021 No 400 “On the Strategy of National Security of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

President of Russia (2021b) Video Address to Participants in Forum on Forests and Land Use Within UN Climate Change Conference Framework. 2 November. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67055> (accessed 22 December 2023).

President of Russia (2023a) Ukaz ot 26.10.2023 № 812 «Ob utverzhenii Klimaticheskoj doktriny Rossijskoj Federacii» [Order of 26 October 2023 No 812 “On the Adoption of the Climate Doctrine of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

President of Russia (2023b) Ukaz ot 31.03.2023 № 229 «Ob utverzhenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» [Order of 31 March 2023 No 229 “On the Adoption of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Ptichnikov A. V., Krenke A. N. (2022) Transgranichnoe uglerodnoe regulirovanie i lesa Rossii: ot ozhidaniy i mifov k realizacii interesov [Cross-Border Carbon Regulation and Forests in Russia: From Expectations and Myth to Realization of Interests]. *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 17, no 5, pp. 54–77. Available at: <https://repec.ranepa.ru/rnp/ecopol/s21156.pdf> (accessed 25 August 2024) (in Russian).

Rudanets V. S. (2023) Sovremennye tendencii VIJe v mire i Rossii [Current Renewable Energy Trends in the World and Russia]. *Russian Foreign Economic Bulletin [Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik]*, vol. 8, pp. 99–109. Available at: [10.24412/2072-8042-2023-8-99-109](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-8-99-109) (in Russian).

Russian Federation (2016) Vystuplenie sovetnika Prezidenta Rossijskoj Federacii, special'nogo predstavitelja Prezidenta Rossijskoj Federacii po voprosam klimata Aleksandra Bedrickogo na sovmestnom segmente vysokogo urovnja 22-j Konferencii Storon RKIK OON/12-m Soveshhanii Storon Kiotskogo protokola/1-m Soveshhanija Storon Parizhskogo soglashenija (Marrakesh, Marokko, 16 nojabrja 2016 g.) [Statement by Advisor to the President of the Russian Federation, Special Presidential Representative on Climate Issues Alexander Bedritsky, for the High-Level Segment of the 22nd Conference of the Parties of the UNFCCC/12th Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Kyoto Protocol/1st Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Paris Agreement. Marrakesh, Morocco, 16 November 2016]. Available at: https://unfccc.int/files/meetings/marrakech_nov_2016/statements/application/pdf/russian_federat_iou_cop22cmp12cma1_hls_russian.pdf (accessed 22 December 2023) (in Russian)

Russian Federation (2017) Vystuplenie sovetnika Prezidenta Rossijskoj Federacii, special'nogo predstavitelja Prezidenta Rossijskoj Federacii po voprosam klimata Aleksandra Bedrickogo na sovmestnom segmente vysokogo urovnja 23-j Konferencii Storon RKIK OON/13-go Soveshhanii Storon Kiotskogo protokola/1-go Soveshhanija Storon Parizhskogo soglashenija (Bonn, Germanija, 16 nojabrja 2017 g.) [Statement by Advisor to the President of the Russian Federation, Special Presidential Representative on Climate Issues Alexander Bedritsky, for the High-Level Segment of the 23rd Conference of the Parties of the UNFCCC/13th Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Kyoto Protocol/1st Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Paris Agreement. Bonn, Germany, 16 November 2017]. Available at: https://unfccc.int/files/meetings/bonn_nov_2017/statements/application/pdf/russia_cop23cmp13cma1-2_hls_rus.pdf (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Russian Federation (2018) Vystuplenie sovetnika Prezidenta Rossijskoj Federacii, special'nogo predstavitelja Prezidenta Rossijskoj Federacii po voprosam klimata Ruslana Jedel'gerieva na sovmestnom segmente vysokogo urovnja 24-j Konferencii Storon RKIK OON/14-go Soveshhanija Storon Kiotskogo protokola/1-go Soveshhanija Storon Parizhskogo soglashenija (Katovice, Respublika Pol'sha, 12 dekabrja 2018 g.) [Statement by Advisor to the President of the Russian Federation, Special Presidential Representative on Climate Issues Ruslan Edelgeriyev, for the High-Level Segment of the 24th Conference of the Parties of the UNFCCC/14th Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Kyoto Protocol/1st Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Paris Agreement. Katowice, Poland, 12 December 2018]. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUSSIAN_cop24cmp14cma1-3_RU.pdf (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Russian Federation (2019) Romanized Russian title should appear here [High-Level Segment Statement COP 25]. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUSSIAN_FEDERATION_cop25cmp15cma2_HLS_RU.pdf (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Russian Federation (2021) High-Level Segment Statement COP 26. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUSSIAN_FEDERATION_cop26cmp16cma3_HLS_EN.pdf (accessed 22 December 2023).

Russian Federation (2022) Romanized Russian title should appear here [High-Level Segment Statement COP 27]. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUSSIAN_FEDERATION_cop27cmp17cma4_HLS_RU.pdf (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Russian Federation (2023) Ruslan Jedel'geriev ozvuchil nacional'noe zajavlenie Rossii na Konferencii Storon Ramochnoj konvencii OON ob izmenenii klimata [Ruslan Edelgeriyev Read Russia's National Statement at United Nations Climate Change Conference or Conference of the Parties]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/administration/72940> (accessed 22 December 2023) (in Russian).

Seregina A. A. (2023) Perspektivy zelenoj jenergetiki dlja Rossii [Prospects of Green Energy for Russia]. *Geoeconomics of Energetics [Geojekonomika jenergetiki]*, vol. 1, no 21, pp. 108–22. Available at: http://www.doi.org/10.48137/26870703_2023_21_1_108 (in Russian).

Sevostianov P. I., Matiukhin A. V. (2022) «Jenergeticheskij perehod» v sovremennoj mezhdunarodnoj povestke [“Energy Transition” in the Current International Agenda]. *Obozrevate [Observer]*, vol. 2, pp. 15–27. Available at: http://www.doi.org/10.48137/2074-2975_2022_02_19 (in Russian).

Sharmina M. (2017) Low-Carbon Scenarios for Russia's Energy System: A Participative Backcasting Approach. *Energy Policy*, vol. 104, pp. 303–15. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2017.02.009>

Sharples J. D. (2013) Russian Approaches to Energy Security and Climate Change: Russian Gas Exports to the EU. *Environmental Politics*, vol. 22, issue 4, pp. 683–700. Available at: <https://doi.org/10.1080/09644016.2013.806628>

Shuranova A. A., Chistikov M. N. (2023) Climate Security in States' Strategic Planning: The Case of Russia and Norway. *Analysis and Forecasting IMEMO Journal*, no 2, pp. 24–42. Available at: <https://www.afjournal.ru/en/2023/2/forecasting-studies/climate-security-in-statesstrategic-planning-the-case-of-russia-and-norway#> (accessed 25 August 2024).

Smeets N. (2018) The Green Menace: Unraveling Russia's Elite Discourse on Enabling and Constraining Factors of Renewable Energy Policies. *Energy Research & Social Science*, vol. 40, pp. 244–56. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2018.02.016>

Stepanov I. (2023) Climate Change in Security Perceptions and Practices in Russia. *Climate Security in the Anthropocene: Exploring the Approaches of the United Nations Security Council Member-States* (J. N. Hardt, C. Harrington, F. von Lucke, A. Estève, N. P. Simpson (eds)). Cham: Springer.

Stepanov I. A., Makarov I. A. (2022) Greenhouse Gas Emissions Regulation in Fossil Fuels Exporting Countries: Opportunities and Challenges for Russia. *Post-Communist Economies*, vol. 34, no 7, pp. 916–43. Available at: <http://www.doi.org/10.1080/14631377.2021.1943918>

Telegina E., Studenikina L., Chapaikin D. (2021) Novye vyzovy jenergorynka - mir i Rossija, vozmozhnosti rosta [New Challenges of the Energy Market: The World and Russia, Opportunities for Growth]. *Energy Policy [Jenergeticheskaja politika]*, vol. 8, no 162, pp. 18–29. Available at: http://www.doi.org/10.46920/2409-5516_2021_8162_18 (in Russian).

Tynkkynen V.-P. (2020) Could Russia Embrace an Energy Transition? *Current History*, vol. 119, issue 819, pp. 270–4. Available at: <https://doi.org/10.1525/curh.2020.119.819.270>

Tynkkynen V.-P., Tynkkynen N. (2018) Climate Denial Revisited: (Re)contextualising Russian Public Discourse on Climate Change During Putin 2.0. *Europe-Asia Studies*, vol. 70, issue 7, pp. 1103–20. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1472218>

United Nations (1992) United Nations Framework Convention on Climate Change. Available at: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf> (accessed 22 December 2023).

United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (2019) Decision 20/CMA.1: Modalities and Procedures for the Effective Operation of the Committee to Facilitate Implementation and Promote Compliance Referred to in Article 15, Paragraph 2, of the Paris Agreement. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/CMA2018_03a02E.pdf (accessed 22 December 2023).

United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (2023) CMA/2023/L.17. Outcome of the First Global Stocktake. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (accessed 22 December 2023).

Wilson Rowe E. (2013) *Russian Climate Politics: When Science Meets Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Wirth D. A. (2017) The Paris Agreement as a New Component of the UN Climate Regime. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 4, pp. 185–214. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2018/01/15/1160391559/D.A.%20Wirth.pdf> (accessed 25 August 2024).

World Bank (n.d.) State and Trends of Carbon Pricing Dashboard. Available at: <https://carbonpricingdashboard.worldbank.org> (accessed 22 December 2023).

Yagodin D. (2021) Policy Implications of Climate Change Denial: Content Analysis of Russian National and Regional News Media. *International Political Science Review*, vol. 42, issue 1, pp. 64–77. Available at: <https://doi.org/10.1177/0192512120971149>

Yushkov I. V., Perov A. V. (2021) “The New Normal” in the Global Energy Sector: Challenges for Russia. *Geoeconomics of Energetics*, vol. 3 (15), pp. 31–50. Available at:

International Organisations Research Journal, 2024, vol. 19, no 3, pp.

Original Article

JEL F51

doi:10.17323/1996-7845-2024-03-03

Discourses of Russia’s Policies Within the UNFCCC Conference of the Parties²

A. Shuranova

Anna A. Shuranova – junior researcher of the Laboratory for Economics of Climate Change, HSE University, 20 Myasnitskaya ulitsa, Moscow 101000 Russia; ashuranova@hse.ru; ORCID: 0000-0002-3001-8979

Abstract

Climate change is increasingly affecting the politics and economies of the world’s nations: its physical manifestations pose numerous threats to human and national security, while its mitigation requires significant investments and regulatory measures which are increasingly transforming socioeconomic systems. Russia’s climate policy, still in its formative stage, is also developing in this context. Contemporary research concerning it focuses primarily on national climate change regulation and its individual aspects, while its international dimension remains under-researched. We use the example of Russia’s discourses within the framework of the Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change (COP to the UNFCCC) after the adoption of the Paris Agreement to trace the evolution of the external dimension of Russia’s climate policy. Several leading narratives are identified within the discourse: the “forest” narrative, related to Russia’s promotion of the international recognition of the importance of carbon sinks; the “sanctions”-related one, within which Russia maintains that foreign restrictive measures impede its capacities to contribute to global climate change mitigation efforts; the narrative on the creation of a universal compliance mechanism for the Paris Agreement; as well as the narrative that concerns developing states and the need to build up support for their green transition. We find that each narrative, as well as the application of such discursive categories as “global”, “universal” and “international” are closely interconnected with the state’s overall foreign policy directions. We demonstrate that as the role of climate change in international politics is augmenting, Russia increasingly seeks to position itself more confidently within its framework despite the altered geopolitical conditions that have significantly diminished the impact of some of the most important drivers of the country’s climate policy development. We conclude that Russia’s policy within the COP to the UNFCCC has evolved towards, on the one hand, increased promotion of an alternative decarbonization agenda and, on the other hand, providing greater support, including climate finance, for developing states. Both follow the logic of Russia’s foreign policy orientation towards the establishment of a polycentric world order with increased role of the non-West in decision-making on the key issues related to the international system.

² This article was submitted 13.02.2024

Key words: external climate policy, Paris agreement, climate policy ambition, factors of climate policy evolution, ecosystems' absorption capacity, climate finance, sanctions.

Acknowledgements: this work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University. Support from the Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University is gratefully acknowledged.

For citation: Shuranova A. (2024) Discourses of Russia's policies within the UNFCCC Conference of the Parties. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 3, pp. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-03